

Черты становящейся взрослости: адаптация опросника в российской культуре

Ерофеева В.Г.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1077-6737>, e-mail: verofeeva@hse.ru

Цель. *Перевод, адаптация и психометрическая проверка русскоязычной версии опросника А. Рейфмана, Дж.Дж. Арнетта и М.Дж. Колвелл «Черты становящейся взрослости» на российской выборке.*

Контекст и актуальность. *Во всем мире отмечается феномен отложенного взросления: молодые люди описывают третье десятилетие своей жизни как время «роли без роли» и безграничной свободы. В России исследователи также отмечают, что на смену объективным критериям взрослой жизни пришли субъективные. Однако, как показывают исследования по адаптации опросника, черты становящейся взрослости по-разному проявляются в зависимости от страны и типа культуры, поэтому необходимо проверить, какие аспекты конструкта выражены в России.*

Дизайн исследования. *Проводилась стандартная психометрическая процедура адаптации методики. Опросник переводился в соответствии с международными требованиями. Далее проверялась оригинальная версия, которая плохо подошла российской выборке. После этого проводились эксплораторный факторный анализ (ЭФА) и подтверждающий факторный анализ (КФА) для поиска подходящей модели и проверки структурной валидности опросника. Для полученной модели рассчитывались показатели надежности.*

Участники. *Респондентами стали 676 студентов в возрасте от 18 до 29 лет, проживающих в российских крупных городах и городах-миллионниках.*

Методы (инструменты). *Опросник «Черты становящейся взрослости». Проводились корреляционный анализ, эксплораторный факторный анализ (ЭФА), подтверждающий факторный анализ (КФА), оценка надежности полученной модели. Данные анализировались с помощью программы RStudio.*

Результаты. *Предложена 5-факторная коррелирующая модель, подтверждающая теоретически выделенные признаки становящейся взрослости. Но исходная структура изменилась: опросник сократился с 31 пункта и шести шкал до 19 пунктов и пяти шкал, два пункта вошли в другие факторы.*

Выводы. *В России взросление преимущественно связывается с поиском идентичности, экспериментами и направленностью на себя и в меньшей степени — с нестабильностью, что может объясняться смешанным типом культуры. Опросник может использоваться в исследовательских целях для дальнейшей проверки полученных выводов.*

Ключевые слова: *становящаяся взрослость; поиск идентичности; эксперименты; направленность на себя; ощущение между подростковым возрастом и взрослым; нестабильность; российская культурная среда.*

Финансирование. *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00262, <https://rscf.ru/project/20-18-00262/>*

Благодарности. Автор выражает благодарность С.К. Нартовой-Бочавер и С.И. Резниченко за помощь в подготовке рукописи.

Для цитаты: Ерофеева В.Г. Черты становящейся взрослости: адаптация опросника в российской культуре // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 3. С. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140312>

Characteristics of Emerging Adulthood: Adaptation of the Questionnaire in Russian Culture

Victoria G. Yerofeyeva

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1077-6737>, e-mail: verofeyeva@hse.ru

Objective. *Translation, adaptation, and psychometric testing of the Russian version of the questionnaire “Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA)” by A. Reifman, J.J. Arnett and M.J. Colwell on a Russian sample.*

Background. *All over the world, the phenomenon of delayed maturation is acknowledged: young people describe the third decade of their lives as a time of “role without role” and unlimited freedom. In Russia, researchers also note that objective criteria of adult life have been replaced by subjective ones. However, as studies on the adaptation of the questionnaire show, the characteristics of emerging adulthood manifest themselves differently depending on the country and type of culture, so it is necessary to check what aspects of the construct are appropriate in Russia.*

Study design. *A standard psychometric procedure for adapting was carried out. The questionnaire was translated in accordance with international requirements. Next, the original version was checked, it did not fit the Russian sample well. After that, exploratory factor analysis and confirmatory factor analysis were carried out to find a suitable model and check the structural validity of the questionnaire. Reliability indicators were calculated for the resulting model.*

Participants. *The respondents were 676 students aged 18 to 29 living in Russian large cities and millionaire cities.*

Measurements. *“Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA)”. Correlation analysis, exploratory factor analysis, confirmatory factor analysis, and assessment of the reliability of the obtained model were carried out. The data were analyzed using the RStudio program.*

Results. *A 5-factor correlation model is proposed that confirms the theoretically distinguished characteristics of emerging adulthood. But the original structure has changed: the questionnaire has been reduced from 31 items and six scales to 19 items and five scales, two items were included in other factors.*

Conclusions. *In Russia, maturation is predominantly associated with the search for identity, experiments, and self-orientation, and to a lesser extent with instability, which can be explained by a mixed type of culture. The questionnaire can be used for research purposes to further test the findings.*

Keywords: *emerging adulthood identity exploration; experiments; self-focus; feeling in-between; instability; Russian cultural environment.*

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00262, <https://rscf.ru/project/20-18-00262/>

Acknowledgements. The author is grateful to S.K. Nartova-Bochaver and S.I. Reznichenko for help in preparing the manuscript.

For citation: Yerofeyeva V.G. Characteristics of Emerging Adulthood: Adaptation of the Questionnaire in Russian Culture. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 3, pp. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140312> (In Russ.).

Характеристика периода «становящаяся взрослость»

Финансовая независимость, создание собственной семьи, рождение ребенка, начало профессиональной деятельности, отдельное от родителей проживание традиционно считались объективными критериями достижения взрослости [43]. Но в последние десятилетия критерии становятся все более субъективными и основываются на самоощущении молодежи, потому что невозможно стать взрослым раз и навсегда. В современном мире фиксируется феномен «отложенного взросления» — явление, которое впервые описал американский психолог Дж.Дж. Арнетт в 2000 году и предложил назвать его становящейся взрослостью (*emerging adulthood*). На материале проведенных интервью с молодыми людьми в возрасте от 18 до 29 лет он выделил пятизвездие черт текущего периода их жизни — исследование идентичности (*identity exploration*), нестабильность (*instability*), сосредоточенность на себе (*self-focus*), эксперименты (*experiments*) и ощущение между подростковым возрастом и взрослым (*feeling in-between*). Это время «роли без роли», когда юноши и девушки еще не имеют обязательств взрослых людей и азартно пробуют новое, пытаясь найти себя в любви и профессии [7].

Становящаяся взрослость оформилась в ответ на изменения в социально-экономической жизни США, произошедшие за последние 30 лет, — индустриализацию, переход к информационной экономике, возросшую ценность образования, сексуальную революцию и расцвет феминизма. Результаты социально-демографических опросов показали, что многие молодые люди продол-

жают жить с родителями, дольше учатся в университетах и не спешат вступать в брак [7]. Дальнейшие исследования подтвердили эти тенденции и в других индустриальных странах вне зависимости от типа культуры [18; 30; 32; 35; 39].

По сравнению с предыдущими поколениями, переход к взрослой жизни молодые люди воспринимают как время независимости и свободы, которое больше никогда не повторится. С одной стороны, многообразие вариантов проживания собственной жизни позволяет принимать решения самостоятельно, с другой стороны, отсутствие определенности пугает. Эту двойственность отражает ощущение между подростковым возрастом и взрослым, которое характеризуется нестабильностью во всех сферах жизни [7].

Раньше переход к новой возрастной стадии осуществлялся через решение универсальных задач развития [22]. Дж.Дж. Арнетт не отказывался от наследия классиков психологии, в частности он использовал понятие «психосоциальный мораторий», введенное Э. Эриксоном, означающее предоставление молодым людям свободы самоопределения [9]. Но изменения в социально-экономической жизни привели к исчезновению универсальных задач развития и появлению индивидуальных траекторий взросления.

Однако не у всех молодых людей является возможной экспериментировать со своей идентичностью в течение третьего десятилетия жизни. Так, концепцию критикуют за то, что она описывает только взросление учащейся молодежи, но не социальных групп, у которых меньше возможностей для успешной социализации [15; 26]. Поэтому считается, что

некорректно распространять полученные выводы на всю популяцию и рассматривать становящуюся взрослость как универсальную возрастную стадию [40].

Также на проявления черт становящейся взрослости влияют культурные особенности [23]. В странах с индивидуалистической культурой критериями взрослой жизни считаются самостоятельное принятие решений и умение себя финансово обеспечить, а в странах с коллективистским типом культуры ценности сообщества оказываются важнее, чем стремления к самореализации [37]. Но все-таки это замечание верно лишь отчасти: молодые люди из стран с разными типами культуры могут иметь разные мотивы — стремление к независимости или помощь своей семье, тем не менее они хотят достичь похожих целей [8; 32].

Как и в других индустриальных странах, в России также переосмысливается процесс взросления. Новые социально-экономические условия привели к тому, что теперь взросление растягивается на три возрастных стадии — отрочество, юность и молодость [4]. Несмотря на то что в российском контексте только появляются исследования периода становящейся взрослости [2], некоторые черты все-таки уже достаточно изучены: суверенность выступает в качестве предиктора благоприятного эмоционального состояния и позволяет молодым людям определиться с собственными предпочтениями и жизненной философией [3]; рефлексивное отношение к своим переживаниям способствует созданию нарративов о своем жизненном пути [5]; разрешение конфликта между личностными стремлениями и социальными ожиданиями приводит к развитию подлинного Я [4].

Таким образом, несмотря на то что в российском контексте феномен становящейся взрослости еще является новым, тем не менее какие-то его черты уже из-

учались. Пятизвездие взросления эмпирически проверяется в разных странах, чтобы выделить универсальные и специфические аспекты современного взросления. В то же время прошло больше 20 лет с того момента, как Дж.Дж. Арнетт предложил свою концепцию, и неизвестно, как она изменилась за эти годы и подходит ли она для описания взросления в России.

Результаты адаптации опросника «Черты становящейся взрослости» в других странах

А. Рейфман, Дж.Дж. Арнетт и М.Дж. Колвелл разработали опросник «Черты становящейся взрослости», включающий 31 пункт и шесть шкал (ответы по шкале Ликерта от 1 до 4) — пятизвездие становящейся взрослости и дополнительный фактор *Направленность на других* для дифференциации становящейся взрослости от других возрастных стадий [34]. У адаптации этого опросника есть существенные ограничения, которые могли повлиять на результаты психометрического анализа. Во-первых, опросник проверялся на группе учащейся молодежи, что считается одним из самых важных критических замечаний концепции. Во-вторых, при проведении анализа главных компонент (МГК) шкала *Ощущение между подростковым возрастом и взрослым* не включалась, но ее пункты использовались при проведении конфирматорного факторного анализа (КФА). Наконец, фактор *Направленность на других* был удален при проведении конфирматорного факторного анализа.

К настоящему моменту существует двенадцать адаптаций опросника в других странах — Бразилии, Греции, Испании, Мексике, Малайзии, Нидерландах, Италии, Японии, Турции, Польше, Китае и России, в которых предлагаются решения группировки пунктов от трех до семи факторов. Однако ни в одной из адаптаций

не удалось точно воспроизвести его факторную структуру. Более того, опросник проверялся два раза в Греции [20; 28] и Испании [19; 36], и оба раза показывал различные комбинации факторов и пунктов. Также существуют две краткие версии, которые рассматриваются как равнозначные замены — трехфакторная модель из 21 пункта, которая проверялась на клинической выборке [29], и четырехфакторная модель из восьми вопросов [11], включает всего 2 индикатора на латентную переменную, что делает ее неустойчивой [12].

Также стоит отметить, что на структурную валидность могло повлиять ортогональное вращение, используемое при проведении эксплораторного факторного анализа (ЭФА) и в оригинальной версии, и в большинстве адаптаций. В оригинальной версии опросника после исключения фактора *Направленность на других* факторы имели умеренные и высокие корреляции между собой — 0,32—0,57. Даже высказывались сомнения в том, являются ли факторы *Исследование идентичности*, *Эксперименты* и *Ощущение между подростковым возрастом и взрослым* отдельными измерениями [34].

Очевидно, что культурные различия могут повлиять на выраженность признаков становящейся взрослости. Чаще всего шкалу *Направленность на других* удаляют из анализа, потому что она не является чертой становящейся взрослости, но иногда ее оставляют. Так, в Испании шкала показала положительную корреляцию с фактором *Направленность на себя* [36], в Бразилии вместо трех пунктов из оригинальной версии осталось два [17], а в Китае к шкале добавился 19-й пункт, который входит в фактор *Направленность на себя* [27].

Кроме того, фактор *Нестабильность* оказывается наименее устойчивым в зависимости от экономических и культурных особенностей. В богатых странах молодые

люди чаще всего идут в университеты после школы и получают помощь от родителей во время обучения, поэтому переход во взрослую жизнь они ощущают как более защищенный, в то время как в бедных странах молодые люди начинают работать раньше, чтобы обеспечить себя, тем самым ускоряется их переход во взрослую жизнь [9]. Например, в Аргентине период становящейся взрослости проживается более стабильно, чем в Америке, что может объясняться ценностями взаимопомощи [18].

Факторная структура опросника отличается даже в одной стране, если участвуют группы из разных социальных слоев. Так, в Нидерландах сравнивались голландцы с этническими меньшинствами — марокканцами и голландцами с Антильских островов. Для каждой группы получены разные модели: у марокканцев и голландцев с Антильских островов шкала *Ощущение между подростковым возрастом и взрослым* сохранялась, а у голландцев нет; шкала *Направленность на других* присутствовала только в выборке марокканцев; у голландцев с Антильских островов шкала *Исследование идентичности* была разделена на две шкалы, а у голландцев и марокканцев это была одна шкала. Для жителей Антильских островов шкала *Направленность на себя* была объединена с пунктами шкалы *Эксперименты* [24]. При оценке инвариантности опросника между странами также получены противоречивые выводы: в Испании и Мексике предложены разные модели [19], а в Италии и Японии — одинаковые [16], хотя все перечисленные страны относятся к коллективистскому типу культуры.

В России первая адаптация опросника «Черты становящейся взрослости» проведена М.В. Клементьевой (название, предложенное в этой адаптации, — «Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости») на выборке 410 сту-

дентов ($M = 155$, $Ж = 255$) из Москвы и Тулы в возрасте от 18 до 25 лет. Данные собирались в 2021 году. Факторная структура проверялась с помощью метода главных компонент, α -факторизации с вращением Варимакс и конфирматорного факторного анализа методом максимального правдоподобия. В результате получены 6 факторов, как и в оригинальной версии шкалы, но полученная структура незначительно изменилась. В частности, пункты 7, 19, 22 из фактора *Направленность на себя* вошли в фактор *Поиск идентичности*; оставшиеся пункты шкалы *Направленность на себя*, 5, 10, 15 и 16 пункты из шкалы *Эксперименты* образовали фактор, который М.В. Клементьева назвала *Личная свобода*; 31 пункт из шкалы *Ощущение между подростковым возрастом и взрослым* вошел в фактор *Нестабильность* [2].

Итак, психометрический анализ усложняется культурными и экономическими особенностями разных стран, что затрудняет сравнение между разными группами. Россия считается страной со смешанным типом культуры: несмотря на приверженность ценностям сообщества и принадлежности к группе, наблюдаются индивидуалистические тенденции, отражающие сочетаемость признаков обеих культур [6]. Цель исследования состояла в поиске подходящей для российской культуры структуры опросника.

Метод

Процедура. А. Рейфман, один из авторов опросника, разрешил использовать его для адаптации в России. Два исследователя независимо друг от друга переводили его на русский язык, затем обсуждали полученные варианты до достижения согласия в случае расхождений. После этого осуществлялся обратный машинный перевод, опросник пересматривался еще раз, вносились незначительные правки в формулировки пунктов.

Дизайн исследования. Нормальность распределения определялась значениями асимметрии и эксцесса в пределах от -2 до 2 стандартных отклонений, которые не являются существенными нарушениями нормальности [21]. Выбросы удалялись с помощью теста Роснера. Сначала проверялись оригинальная версия опросника и его краткая версия. Обе модели показали низкие индексы соответствия. Для проверки структурной валидности на первом этапе проводился ЭФА [14]. Для определения числа факторов использовались параллельный анализ и метод очень простой структуры с определением критерия MAP [33]. При проведении ЭФА использовалось косоугольное вращение Облимин, так как факторы связаны между собой. Пункты, имеющие кросснагрузки, удалялись [14]. На втором этапе проводился конфирматорный факторный анализ методом взвешенных наименьших квадратов с поправками среднего и дисперсии [13]. Соответствие модели оценивалось с помощью индексов: *Chi-sq.*, *CFI*, *TLI*, *RMSEA*, *SRMR*. Значения *CFI* и *TLI*, превышающие 0,95, говорят о хорошем соответствии модели, а значения в диапазоне от 0,90 до 0,95 указывают на приемлемое соответствие; *RMSEA* $<$ 0,06 и *SRMR* ниже 0,08 оценивают модель как хорошо подходящую данным [25]. Наконец, проверялась надежность выбранной модели с помощью Альфы Кронбаха и Омеги Макдональда, позволяющей получить более точную оценку иерархически организованных опросников [38]. Анализ данных проводился в программе RStudio.

Выборка. 676 русскоговорящих студентов ($M = 120$, $Ж = 556$) в возрасте от 18 до 29 лет ($M = 20,43$, $SD = 2,29$), проживающих в крупных городах и городах-миллионниках России — преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге, Перми и Нижнем Новгороде. Как и в

оригинальной версии, в большинстве адаптаций, психометрический анализ проводился на студенческой выборке, у которой в соответствии с теоретическими представлениями наиболее выражены черты становящейся взрослости.

Данные собирались в 2022–2023 годах с помощью платформы 1ka.si. Участие было добровольным и анонимным. Общая выборка использовалась для оценки оригинальной и краткой версий опросника. После этого выборка была разделена на две части с учетом требования не менее десяти наблюдений на один пункт при проведении ЭФА [14]: 339 респондентов: $M = 71$, $Ж = 268$, M возраст = 19,78, $SD = 1,91$ и 337 респондентов: $M = 49$, $Ж = 288$, M возраст = 21,08, $SD = 2,46$.

Результаты

Оригинальная модель [34] и краткая версия [29] плохо соответствуют российской выборке (табл. 1).

Далее проводился корреляционный анализ методом Спирмена между факторами, чтобы выбрать вращение для ЭФА — косоугольное в случае корреляции факторов или ортогональное в случае отсутствия корреляции между факторами. Результаты представлены в табл. 2.

Факторы в значительной степени коррелируют между собой: самые сильные связи между факторами *Направленность на себя*, *Эксперименты* и *Поиск идентичности*. Единственный фактор, который практически не коррелирует с другими, — это *Направленность на других*. Так

Таблица 1

Индексы соответствия оригинальной и краткой версий опросника (N = 676)

Модель	$\chi^2(df)$	CFI	TLI	RMSEA, CI RMSEA	SRMR
Оригинальная версия	2229,173 (419) ***	0,847	0,831	0,080 [0,077–0,068; 0,083–0,075]	0,094
Краткая версия	1769,376 (166) ***	0,696	0,652	0,120 [0,115–0,112; 0,125–0,122]	0,124

Примечания: χ^2 — Хи-квадрат, df — число степеней свободы, *** — $p \leq 0,001$, CFI — сравнительный индекс согласия Бентлера, TLI — индекс Такера-Льюиса, RMSEA — корень среднеквадратичного остатка, CI — доверительный интервал, SRMR — стандартизованный корень среднеквадратичного остатка.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа факторов (N = 676)

Факторы	ПИ	ЭКС	НС	ОМ	НЕСТ
ЭКС	0,55**				
НС	0,51**	0,70**			
ОМ	0,37**	0,20**	0,13**		
НЕСТ	0,14**	-0,09**	-0,17**	0,31**	
НД	0	-0,16**	-0,07	-0,01	0,05

Примечания: ПИ — Поиск идентичности, ЭКС — Эксперименты, НС — Направленность на себя, ОМ — Ощущение между подростковым возрастом и взрослым, НЕСТ — Нестабильность, НД — Направленность на других, ** — $p \leq 0,01$.

как этот фактор использовался для дифференциации становящейся взрослости от других возрастных периодов, он был исключен из дальнейшего анализа.

Оценка числа факторов проводилась с помощью параллельного анализа, метода очень простой структуры и критерия МАР. Результаты параллельного анализа приведены на рис. 1. Для ЭФА рекомендованное количество факторов — пять, что соответствует теоретическому представлению, для МГК — два. Метод очень простой структуры показал два фактора, критерий МАР — четыре. Несмотря на отличия ЭФА (описывает общую дисперсию) и МГК (описывает всю дисперсию), эти методы зачастую показывают похожие результаты [14]. Поэтому при подборе моделей тестировались и ЭФА, и МГК с вращением Облимин и количеством факторов, которые показали параллельный анализ, метод очень простой структуры и критерий МАР.

Была выбрана 5-факторная модель, включающая 19 пунктов, которая сформировалась в результате ЭФА. Девять пунктов имели кросснагрузки или дельту между нагрузками на несколько факторов меньше 0,1, поэтому они были удалены при проведении КФА. Модель объясняет 51% дисперсии. Наблюдаются высокие корреляции между факторами *Эксперименты* и *Направленность на себя*, *Поиск идентичности* и *Ощущение между подростковым возрастом и взрослым*, *Эксперименты* и *Поиск идентичности*; самые слабые корреляции у фактора *Нестабильность* — с факторами *Направленность на себя* и *Эксперименты* — отрицательные (табл. 3).

Два пункта попали в другие шкалы: 16 пункт (время свободного выбора) из фактора *Эксперименты* в оригинальной версии переместился в фактор *Направленность на себя*, а 22 пункт (время

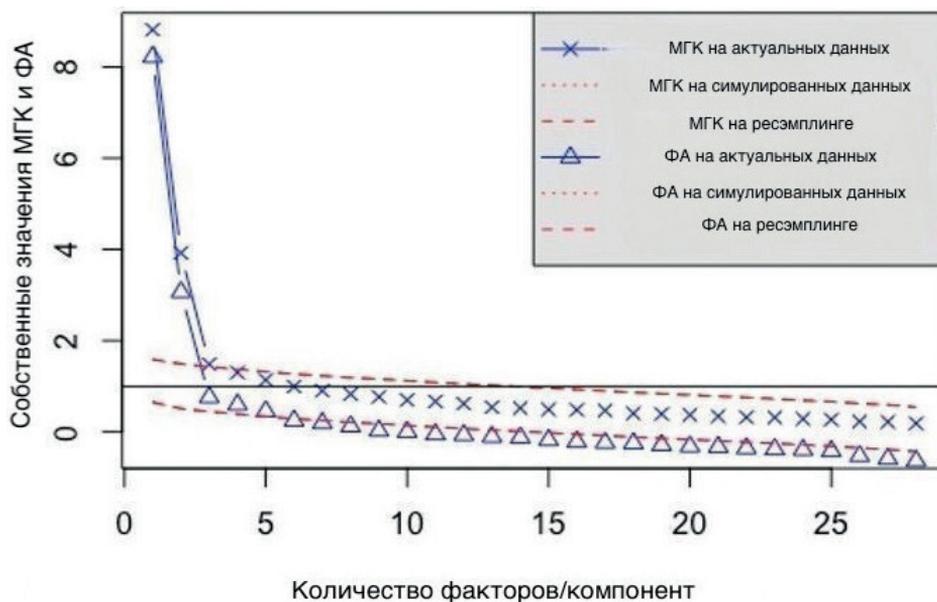

Рис. 1. Результаты параллельного анализа с применением бутстрэппинга: МГК — метод главных компонент, ФА — факторный анализ

сосредоточиться на себе) из фактора *Направленность на себя* оказался в факторе *Поиск идентичности*. Так как между факторами фиксировалась высокая корреляция и есть теоретические основания полагать возможные связи между ними, было решено придерживаться модели, которая образовалась в результате проведения ЭФА. В остальном полученные факторы соответствуют выде-

ленным шкалам в оригинальной версии опросника.

На следующем этапе проводился КФА. Подобранная модель имеет хорошее соответствие данным, результаты представлены в табл. 4. Некоторые факторы коварируют между собой (табл. 5). Все пункты опросника имеют высокие нагрузки на все факторы (рис. 2). Финальная версия опросника представлена в Приложении.

Таблица 3

Корреляция между факторами (эксплораторный факторный анализ с вращением Облимин) (N = 339)

Факторы	НС	ЭКС	ОМ	ПИ
ЭКС	0,61			
ОМ	0,31	0,43		
ПИ	0,29	0,43	0,51	
НЕСТ	-0,22	-0,11	0,21	0,11

Примечания: ПИ – Поиск идентичности, ЭКС – Эксперименты, НС – Направленность на себя, ОМ – Ощущение между подростковым возрастом и взрослым, НЕСТ – Нестабильность.

Таблица 4

Индексы соответствия подобранной модели (N = 337)

$\chi^2(df)$	CFI	TLI	RMSEA, CI RMSEA	SRMR
269.219 (142) ***	0,947	0,936	0,052 [0,042–0,052; 0,061–0,070]	0,068

Примечания: χ^2 – Хи-квадрат, df – число степеней свободы, *** – $p \leq 0,001$, CFI – сравнительный индекс согласия Бентлера, TLI – индекс Такера-Льюиса, RMSEA – корень среднеквадратичного остатка, CI – доверительный интервал, SRMR – стандартизованный корень среднеквадратичного остатка.

Таблица 5

Ковариация факторов в результате проведения конфирматорного факторного анализа (N = 339)

Факторы	НС	ЭКС	ОМ	ПИ
ЭКС	0,597***			
ОМ	0,145*	0,318***		
ПИ	0,516***	0,680***	0,642***	
НЕСТ	-0,278***	-0,145	0,162*	0,016

Примечания: ПИ – Поиск идентичности, ЭКС – Эксперименты, НС – Направленность на себя, ОМ – Ощущение между подростковым возрастом и взрослым, НЕСТ – Нестабильность, *** – $p \leq 0,001$, ** – $p \leq 0,05$.

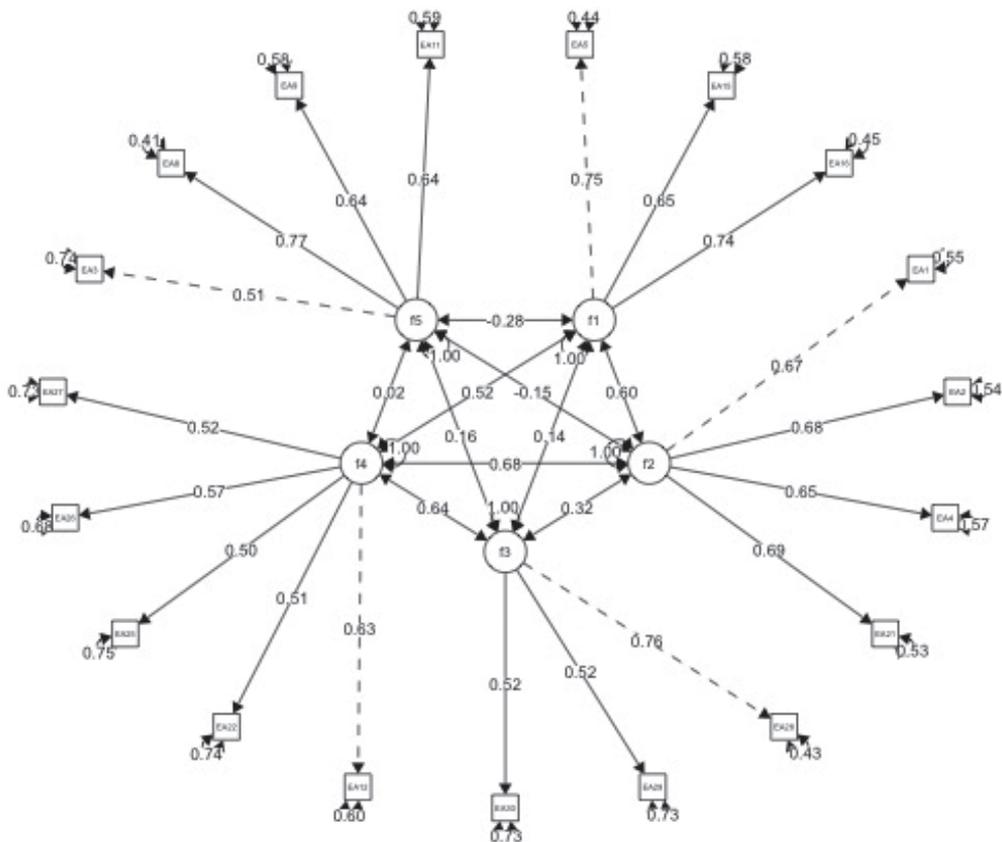

Рис. 2. Результаты проведения конфирматорного факторного анализа опросника «Черты становящейся взрослости» (N = 337)

На последнем этапе анализа рассчитывались показатели надежности. Альфа Кронбаха = 0,77 (0,74; 0,81), стандартизованная Альфа = 0,79. Значение иерархической Омги Макдональда = 0,52, что говорит об отсутствии общего фактора [31]. Общий показатель Омги = 0,86. Показатели надежности являются высокими, что позволяет использовать полученный опросник в исследовательских целях.

Обсуждение результатов

Итак, предложена коррелирующая модель опросника «Черты становящей-

ся взрослости», которая лучше всего соответствует теоретическим представлениям и данным. Отличия в структуре опросника от оригинальной версии можно считать незначительными (два пункта попали в другие шкалы), тем не менее в остальном факторная структура соответствует оригинальной версии опросника. Факторы коварируют между собой: *Поиск идентичности с Экспериментами*, *Ощущением между подростковым возрастом и взрослым* и *Направленностью на себя*; *Направленность на себя* – с *Экспериментами*. *Нестабильность* слабее

всех коварирует с остальными: с *Поиском идентичности* отрицательная связь, с *Ощущением между подростковым возрастом и взрослым* положительная.

Коррелирующие модели также были предложены и в других странах — Греции [28], Италии [16], Японии [16], Малайзии [41], Нидерландах [24], Китае [27] и Польше [42], хотя они имеют другую факторную структуру. В Греции, Польше, Италии, Японии, Нидерландах (общая модель) и Малайзии, как в России, обнаружены сильные связи между *Поиском идентичности* и *Экспериментами*, *Ощущением между подростковым возрастом и взрослым*. В Нидерландах, как и в России, наблюдается корреляционная связь фактора *Поиск идентичности* с *Направленностью на себя*, а в Китае обнаружены сильные связи фактора *Поиск идентичности* со всеми остальными. В Греции, как и в России, обнаружена связь между *Экспериментами* и *Направленностью на себя*.

В Греции и Польше, как и в России, фактор *Нестабильность* имеет отрицательные связи с другими: в Греции и Польше — с *Направленностью на себя*, в России — с *Поиском идентичности*. В Польше, Италии, Японии, Китае и Малайзии, как и в России, обнаружены положительные связи между *Нестабильностью* и другими факторами: в Польше — с *Направленностью на себя*, в Италии и Японии — с *Поиском идентичности*, в Китае — с *Поиском идентичности* и *Экспериментами*, в Малайзии — с *Экспериментами*, а в России — с *Ощущением между подростковым возрастом и взрослым*.

Некоторые черты сохраняют свою выраженность в разных культурах, что позволяет сделать вывод об универсальности концепции. Для российских респондентов взрослость ассоциируется с поиском себя и пробами в разных сферах жизни, которые оцениваются как доста-

точно безопасные. С одной стороны, в России наблюдаются тенденции индивидуализма, поэтому выражены показатели по шкалам *Поиск идентичности*, *Эксперименты* и *Направленность на себя*. С другой стороны, родители поддерживают своих детей и оказывают им необходимую помощь в период взросления, как и в других коллективистских культурах, поэтому фактор *Нестабильность* имеет слабые связи с другими.

Представленная модель отличается от адаптации М.В. Клементьевой [2]: по количеству факторов (5 vs. 6), количеству вопросов (19 vs. 31), составу шкал (переходы пунктов 16 и 22 в другие шкалы vs. образование единого фактора из двух, переход 7, 16, 19, 22 и 31 пунктов в другие шкалы). Вероятно, полученные модели отличаются из-за разной логики анализа данных (параллельный анализ, ЭФА с вращением Облимин, КФА методом взвешенных наименьших квадратов с поправками среднего и дисперсии vs. МГК, α -факторизации с вращением Варимакс, КФА методом максимального правдоподобия), времени сбора данных (2022—2023 годы vs 2021 год), выборки (676 из крупных городов и городов-миллионников vs. 410 из Москвы и Тулы). Возможно, замеры в разное время с учетом контекста выборки могли повлиять на полученные результаты, что подтверждает идею о трудности сохранять универсальность конструкта становящейся взрослости.

Ограничения

Стоит отметить несколько ограничений, которые могли повлиять на результаты. Во-первых, психометрический анализ проводился на выборке студентов, что, с одной стороны, позволяет сравнивать адаптации в разных странах между собой, с другой стороны, значительно сужает представления о взрослении моло-

дежи, так как могут выбираться и другие траектории перехода во взрослую жизнь. Во-вторых, выборка не сбалансирована по полу, поэтому не проверялась инвариантность опросника. Наконец, необходимо проверить, являются ли факторы опросника отдельными шкалами, потому что между ними зафиксированы значительные корреляционные связи.

Заключение

Таким образом, проведена адаптация опросника «Черты становящейся

взрослости» на студенческой выборке, наиболее подходящей под описание периода. В российской культурной среде *Нестабильность* и *Ощущение между подростковым возрастом и взрослым* оказались в меньшей степени связаны с остальными чертами этого возраста. Хотя представленная корреляционная модель имеет высокие индексы соответствия, она отличается от всех существующих версий, что говорит о трудностях с идентификацией конструкта «становящаяся взрослость».

Приложение

Опросник «Черты становящейся взрослости»

№	Этот период в Вашей жизни...	Совершенно не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Скорее согласен(на)	Полностью согласен(на)
		1	2	3	4
1/1	время многих возможностей?				
2/2	время исследований и поиска?				
3/3	время замешательства?				
4/4	время экспериментирования?				
5/5	время личной свободы?				
6/8	время, когда Вы испытываете стресс?				
7/9	время нестабильности?				
8/11	время большого давления извне?				
9/12	время узнавать, кто Вы такой(ая)?				
10/15	время независимости?				
11/16	время свободного выбора?				
12/21	время попробовать что-то новое?				
13/22	время сосредоточиться на себе?				
14/25	время планирования будущего?				
15/26	время поиска смысла?				
16/27	время определиться со своими убеждениями и ценностями?				
17/28	время научиться думать самостоятельно?				

№	Этот период в Вашей жизни...	Совершенно не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Скорее согласен(на)	Полностью согласен(на)
		1	2	3	4
18/29	время почувствовать себя в некотором отношении взрослым, хотя и не всегда?				
19/30	время постепенного взросления?				

Ключ к опроснику:

Первая цифра — номер вопроса в русскоязычной шкале, вторая — номер вопроса в оригинальной версии. Вопросы представлены в том же порядке, что и в оригинальной версии шкалы. Ниже представлены шкалы с входящими в них пунктами. Значение по каждой шкале — суммарный балл по всем вопросам, входящим в нее.

Шкала опросника	Пункты опросника
<i>Поиск идентичности</i>	9 (12), 13 (22), 14 (25), 15 (26), 16 (27)
<i>Эксперименты</i>	1 (1), 2 (2), 4 (4), 12 (21)
<i>Направленность на себя</i>	5 (5), 10 (15), 11 (16)
<i>Ощущение между подростковым возрастом и взрослым</i>	17 (28), 18 (29), 19 (30)
<i>Нестабильность</i>	3 (3), 6 (8), 7 (9), 8 (11)

Литература

1. Клементьева М.В. «Подлинное Я» как предиктор формирующейся взрослости студентов // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 3. С. 64–74. DOI:10.17759/pse.2020250306
2. Клементьева М.В. Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости (IDEA-R): особенности развития студентов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 2. С. 164–182. DOI:10.21638/spbu16.2023.203
3. Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней взрослости // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 15–28.
4. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7–24. DOI:10.17759/cpp.2015230402
5. Шилова Н.П. Взросление в юношеском возрасте // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 4. С. 37–49.
6. Abakumova I., Berberyan A., Berberyan H. Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnosc and Russian diaspora // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2019. Vol. 7(2). P. 11–17.
7. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American psychologist. 2000. Vol. 55(5). P. 469–480. DOI:10.1037/0003-066X.55.5.469
8. Arnett J.J. Conceptions of the transition to adulthood among emerging adults in American ethnic groups // New directions for child and adolescent development. 2003. Vol. 100. P. 63–76. DOI:10.1002/cd.75

9. Arnett J.J. Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties. Oxford University Press, 2014. 416 p.
10. Atak H., Çok F. The Turkish version of inventory of the dimensions of emerging adulthood (The IDEA) // International Journal of Educational and Pedagogical Sciences. 2008. Vol. 2(4). P. 392–396. DOI:10.5281/zenodo.1082183
11. Baggio S., Iglesias K., Studer J., Gmel G. An 8-item short form of the Inventory of Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA) among young Swiss men // Evaluation & the health professions. 2015. Vol. 38(2). P. 246–254. DOI:10.1177/0163278714540681
12. Bartholomew D.J., Knott M., Moustaki I. Latent variable models and factor analysis: A unified approach. John Wiley & Sons, 2011. 296 p.
13. Brown T.A. Confirmatory factor analysis for applied research. Guilford publications, 2015. 475 p.
14. Costello A.B., Osborne J. Best practices in exploratory factor analysis: Four recommendations for getting the most from your analysis // Practical assessment, research, and evaluation. 2005. Vol. 10(1): 7. DOI:10.7275/yjy1-4868
15. Côté J.E. The dangerous myth of emerging adulthood: An evidence-based critique of a flawed developmental theory // Applied Developmental Science. 2014. Vol. 18(4). P. 177–188. DOI:10.1080/10888691.2014.954451
16. Crocetti E., Tagliabue S., Sugimura K., Nelson L.J., Takahashi A., Niwa T., Sugiura Y., Jinno M. Perceptions of emerging adulthood: A study with Italian and Japanese university students and young workers // Emerging adulthood. 2015. Vol. 3(4). P. 229–243. DOI:10.1177/2167696815569848
17. Dutra-Thomé L., Koller S.H. Brazilian version of the inventory of the dimensions of emerging adulthood: Investigating the current transition to adulthood // Trends in Psychology. 2017. Vol. 25. P. 901–912. DOI:10.9788/TP2017.3-01
18. Facio A., Resett S., Micocci F., Mistrorigo C. Emerging adulthood in Argentina: An age of diversity and possibilities // Child Development Perspectives. 2007. Vol. 1(2). P. 115–118. DOI:10.1111/j.1750-8606.2007.00025.x
19. Fierro Arias D., Moreno Hernandez A. Emerging adulthood in Mexican and Spanish youth: Theories and realities // Journal of Adolescent Research. 2007. Vol. 22(5). P. 476–503. DOI:10.1177/0743558407305774
20. Galanaki E., Sideridis G. Dimensions of emerging adulthood, criteria for adulthood, and identity development in Greek studying youth: A person-centered approach // Emerging Adulthood. 2019. Vol. 7(6). P. 411–431. DOI:10.1177/2167696818777040
21. George D., Mallery P. Reliability analysis. IBM SPSS statistics 23 step by step. Routledge, 2016. 400 p.
22. Havighurst R.J. Developmental tasks and education. New York: McKay, 1965. 100 p.
23. Hendry L.B., Kloep M. Conceptualizing emerging adulthood: Inspecting the emperor's new clothes? // Child development perspectives. 2007. Vol. 1(2). P. 74–79. DOI:10.1111/j.1750-8606.2007.00017.x
24. Hill J.M., Lalji M., van Rossum G., van der Geest V.R., Blokland A. Experiencing emerging adulthood in the Netherlands // Journal of Youth Studies. 2015. Vol. 18(8). P. 1035–1056. DOI:10.1080/13676261.2015.1020934
25. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural equation modeling: a multidisciplinary journal. 1999. Vol. 6(1). P. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
26. Kloep M., Hendry L.B., Taylor R., Stuart-Hamilton I. Development from adolescence to early adulthood: A dynamic systemic approach to transitions and transformations. Psychology Press, 2016. 164 p.
27. Kuang J., Zhong J., Yang P., Bai X., Liang Y., Cheval B., Herold F., Wei G., Taylor A., Zhang J., Chen C., Sun J., Zou L., Arnett J.J. Psychometric evaluation of the inventory of dimensions of

- emerging adulthood (IDEA) in China // *International Journal of Clinical and Health Psychology*. 2023. Vol. 23(1). 100331. DOI:10.1016/j.ijchp.2022.100331
28. *Leontopoulou S., Mavridis D., Giotsa A.* Psychometric properties of the Greek Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA): University student perceptions of developmental features // *Journal of Adult Development*. 2016. Vol. 23. P. 226–244. DOI:10.1007/s10804-016-9239-4
29. *Lisha N.E., Grana R., Sun P., Rohrbach L., Spruijt-Metz D., Reifman A., Sussman S.* Evaluation of the psychometric properties of the Revised Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA-R) in a sample of continuation high school students // *Evaluation & the health professions*. 2014. Vol. 37(2). P. 156–177. DOI:10.1177/0163278712452664
30. *Mayseless O., Scharf M.* What does it mean to be an adult? The Israeli experience // *New directions for child and adolescent development*. 2003. Vol. 2003(100). P. 5–20. DOI:10.1002/cd.71
31. *Nájera Catalán H.E.* Reliability, population classification and weighting in multidimensional poverty measurement: A Monte Carlo study // *Social indicators research*. 2019. Vol. 142(3). P. 887–910. DOI:10.1007/s11205-018-1950-z
32. *Nelson L.J., Chen X.* Emerging adulthood in China: The role of social and cultural factors // *Child Development Perspectives*. 2007. Vol. 1(2). P. 86–91. DOI:10.1111/j.1750-8606.2007.00020.x
33. *O'Connor B.P.* SPSS and SAS programs for determining the number of components using parallel analysis and Velicer's MAP test // *Behavior research methods, instruments, & computers*. 2000. Vol. 32(3). P. 396–402. DOI:10.3758/BF03200807
34. *Reifman A., Arnett J.J., Colwell M.J.* Emerging adulthood: Theory, assessment and application // *Journal of Youth Development*. 2007. Vol. 2(1). P. 37–48. DOI:10.5195/jyd.2007.359
35. *Rosenberger N.* Rethinking emerging adulthood in Japan: Perspectives from long-term single women // *Child Development Perspectives*. 2007. Vol. 1(2). P. 92–95. DOI:10.1111/j.1750-8606.2007.00021.x
36. *Sánchez-Queija I., Parra A., Camacho C., Arnett J.J.* Spanish version of the Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA-S) // *Emerging Adulthood*. 2020. Vol. 8. P. 237–244. DOI:10.1177/2167696818804938
37. *Shek D.T.L., Dou D., Zhu X., Chai W.* Positive youth development: Current perspectives // *Adolescent health, medicine and therapeutics*. 2019. P. 131–141. DOI:10.2147/AHMT.S179946
38. *Şimşek G.G., Noyan F.* McDonald's ω , Cronbach's α , and generalized θ for composite reliability of common factors structures // *Communications in Statistics-Simulation and Computation*. 2013. Vol. 42(9). P. 2008–2025. DOI:10.1080/03610918.2012.689062
39. *Sirsch U., Dreher E., Mayr E., Willinger U.* What does it take to be an adult in Austria? Views of adulthood in Austrian adolescents, emerging adults, and adults // *Journal of Adolescent Research*. 2009. Vol. 24(3). P. 275–292. DOI:10.1177/0743558408331184
40. *Syed M.* Emerging adulthood: Developmental stage, theory, or nonsense? // *The Oxford handbook of emerging adulthood* / In J.J. Arnett (eds.). Oxford University Press, 2016. P. 11–25.
41. *Wider W., Bahari M.I., Mustapha M., Halik M.* Investigating the measurement of Malay version of Inventory of Dimensions of Emerging Adulthood (M-IDEA) among first year university students in Malaysia // *International Journal of Current Research*. 2016. Vol. 8(4). P. 29878–29884.
42. *Zagórska W., Skoczeń I., Lipska A., Arnett J.J.* Polish adaptation of the Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood // *Current Issues in Personality Psychology*. 2023. P. 1–7. DOI:10.5114/cipp/159277
43. *Žukauskienė R., Kaniūšonytė G., Nelson L.J., Crocetti E., Malinauskienė O., Hihara S., Sugimura K.* Objective and subjective markers of transition to adulthood in emerging adults: Their mediating role in explaining the link between parental trust and life satisfaction // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2020. Vol. 37(12). P. 3006–3027. DOI:10.1177/0265407520948621

References

1. Klement'eva M.V. «Podlinnoe Ya» kak prediktor formiruyushcheysya vzroslosti studentov [“Real Self” as a predictor of students’ emerging adulthood]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 64–74. DOI:10.17759/pse.2020250306 (In Russ.).
2. Klement'eva M.V. Rossiiskaya versiya shkaly otsenki formiruyushcheysya vzroslosti (IDEA-R): osobennosti razvitiya studentov [The Russian Version of the Emerging Adulthood Scale (IDEA-R): Peculiarities of Student Development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 164–182. DOI:10.21638/spbu16.2023.203 (In Russ.).
3. Nartova-Bochaver S.K. Psikhologicheskaya suverenost' kak prediktor emotsional'noi ustoychivosti v rannei i srednei vzroslosti [Psychological sovereignty as a predictor of emotional stability in early and middle adulthood]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2015. Vol. 4, no. 1, pp. 15–28. (In Russ.).
4. Tolstykh N.N. Sovremennoe vzroslenie [Modern adulthood]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 7–24. DOI:10.17759/cpp.2015230402 (In Russ.).
5. Shilova N.P. Vzroslenie v yunosheskom vozraste [Growing up in adolescence]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and psychology*, 2020. Vol. 4, pp. 37–49. (In Russ.).
6. Abakumova I., Berberyan A., Berberyan H. Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnos and Russian diaspora. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 2019. Vol. 7, no. 2, pp. 11–17.
7. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 2000. Vol. 55, no. 5, pp. 469–480. DOI:10.1037/0003-066X.55.5.469
8. Arnett J.J. Conceptions of the transition to adulthood among emerging adults in American ethnic groups. *New directions for child and adolescent development*, 2003. Vol. 100, pp. 63–76. DOI:10.1002/cd.75
9. Arnett J.J. Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties. Oxford University Press, 2014. 416 p.
10. Atak H., Çok F. The Turkish version of inventory of the dimensions of emerging adulthood (The IDEA). *International Journal of Educational and Pedagogical Sciences*, 2008. Vol. 2, no. 4, pp. 392–396. DOI:10.5281/zenodo.1082183
11. Baggio S., Iglesias K., Studer J., Gmel G. An 8-item short form of the Inventory of Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA) among young Swiss men. *Evaluation & the health professions*, 2015. Vol. 38, no. 2, pp. 246–254. DOI:10.1177/0163278714540681
12. Bartholomew D.J., Knott M., Moustaki I. Latent variable models and factor analysis: A unified approach. John Wiley & Sons, 2011. 296 p.
13. Brown T.A. Confirmatory factor analysis for applied research. Guilford publications, 2015. 475 p.
14. Costello A.B., Osborne J. Best practices in exploratory factor analysis: Four recommendations for getting the most from your analysis. *Practical assessment, research, and evaluation*, 2005. Vol. 10, no. 1:7. DOI:10.7275/jyj1-4868
15. Côté J.E. The dangerous myth of emerging adulthood: An evidence-based critique of a flawed developmental theory. *Applied Developmental Science*, 2014. Vol. 18, no. 4, pp. 177–188. DOI:10.1080/10888691.2014.954451
16. Crocetti E., Tagliabue S., Sugimura K., Nelson L.J., Takahashi A., Niwa T., Sugiura Y., Jinno M. Perceptions of emerging adulthood: A study with Italian and Japanese university students and young workers. *Emerging adulthood*, 2015. Vol. 3, no. 4, pp. 229–243. DOI:10.1177/2167696815569848

17. Dutra-Thomé L., Koller S.H. Brazilian version of the inventory of the dimensions of emerging adulthood: Investigating the current transition to adulthood. *Trends in Psychology*, 2017. Vol. 25, pp. 901–912. DOI:10.9788/TP2017.3-01
18. Facio A., Resett S., Micocci F., Mistrorigo C. Emerging adulthood in Argentina: An age of diversity and possibilities. *Child Development Perspectives*, 2007. Vol. 1, no. 2, pp. 115–118. DOI:10.1111/j.1750-8606.2007.00025.x
19. Fierro Arias D., Moreno Hernandez A. Emerging adulthood in Mexican and Spanish youth: Theories and realities. *Journal of Adolescent Research*, 2007. Vol. 22, no. 5, pp. 476–503. DOI:10.1177/0743558407305774
20. Galanaki E., Sideridis G. Dimensions of emerging adulthood, criteria for adulthood, and identity development in Greek studying youth: A person-centered approach. *Emerging Adulthood*, 2019. Vol. 7, no. 6, pp. 411–431. DOI:10.1177/2167696818777040
21. George D., Mallery P. Reliability analysis. IBM SPSS statistics 23 step by step. Routledge, 2016. 400 p.
22. Havighurst R.J. Developmental tasks and education. New York: McKay, 1965. 100 p.
23. Hendry L.B., Kloep M. Conceptualizing emerging adulthood: Inspecting the emperor's new clothes? *Child development perspectives*, 2007. Vol. 1, no. 2, pp. 74–79. DOI:10.1111/j.1750-8606.2007.00017.x
24. Hill J.M., Lalji M., van Rossum G., van der Geest V.R., Blokland A.A. Experiencing emerging adulthood in the Netherlands. *Journal of Youth Studies*, 2015. Vol. 18, no. 8, pp. 1035–1056. DOI:10.1080/13676261.2015.1020934
25. Hu L.T., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural equation modeling: a multidisciplinary journal*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
26. Kloep M., Hendry L.B., Taylor R., Stuart-Hamilton I. Development from adolescence to early adulthood: A dynamic systemic approach to transitions and transformations. Psychology Press, 2016. 164 p.
27. Kuang J., Zhong J., Yang P., Bai X., Liang Y., Cheval B., Herold F., Wei G., Taylor A., Zhang J., Chen C., Sun J., Zou L., Arnett J.J. Psychometric evaluation of the inventory of dimensions of emerging adulthood (IDEA) in China. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 2023. Vol. 23, no. 1: 100331. DOI:10.1016/j.ijchp.2022.100331
28. Leontopoulou S., Mavridis D., Giotsa A. Psychometric properties of the Greek Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA): University student perceptions of developmental features. *Journal of Adult Development*, 2016. Vol. 23, pp. 226–244. DOI:10.1007/s10804-016-9239-4
29. Lisha N.E., Grana R., Sun P., Rohrbach L., Spruijt-Metz D., Reifman A., Sussman S. Evaluation of the psychometric properties of the Revised Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA-R) in a sample of continuation high school students. *Evaluation & the health professions*, 2014. Vol. 37, no. 2, pp. 156–177. DOI:10.1177/0163278712452664
30. Mayseless O., Scharf M. What does it mean to be an adult? The Israeli experience. *New directions for child and adolescent development*, 2003. Vol. 100, pp. 5–20. DOI:10.1002/cd.71
31. Nájera Catalán H.E. Reliability, population classification and weighting in multidimensional poverty measurement: A Monte Carlo study. *Social indicators research*, 2019. Vol. 142, no. 3, pp. 887–910. DOI:10.1007/s11205-018-1950-z
32. Nelson L.J., Chen X. Emerging adulthood in China: The role of social and cultural factors. *Child Development Perspectives*, 2007. Vol. 1, no. 2, pp. 86–91. DOI:10.1111/j.1750-8606.2007.00020.x
33. O'Connor B.P. SPSS and SAS programs for determining the number of components using parallel analysis and Velicer's MAP test. *Behavior research methods, instruments, & computers*, 2000. Vol. 32, no. 3, pp. 396–402. DOI:10.3758/BF03200807

34. Reifman A., Arnett J.J., Colwell M.J. Emerging adulthood: Theory, assessment and application. *Journal of Youth Development*, 2007. Vol. 2, no. 1, pp. 37–48. DOI:10.5195/jyd.2007.359
35. Rosenberger N. Rethinking emerging adulthood in Japan: Perspectives from long term single women. *Child Development Perspectives*, 2007. Vol. 1, no. 2, pp. 92–95. DOI:10.1111/j.1750-8606.2007.00021.x
36. Sánchez-Queija I., Parra A., Camacho C., Arnett J.J. Spanish version of the Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood (IDEA-S). *Emerging Adulthood*, 2020. Vol. 8, pp. 237–244. DOI:10.1177/2167696818804938
37. Shek D.T., Dou D., Zhu X., Chai W. Positive youth development: Current perspectives. *Adolescent health, medicine and therapeutics*, 2019. No. 10, pp. 131–141. DOI:10.2147/AHMT.S179946
38. Şimşek G.G., Noyan F. McDonald's ω , Cronbach's α , and generalized θ for composite reliability of common factors structures. *Communications in Statistics-Simulation and Computation*, 2013. Vol. 42, no. 9, pp. 2008–2025. DOI:10.1080/03610918.2012.689062
39. Sirsch U., Dreher E., Mayr E., Willinger U. What does it take to be an adult in Austria? Views of adulthood in Austrian adolescents, emerging adults, and adults. *Journal of Adolescent Research*, 2009. Vol. 24, no. 3, pp. 275–292. DOI:10.1177/0743558408331184
40. Syed M. Emerging adulthood: Developmental stage, theory, or nonsense. *The Oxford handbook of emerging adulthood*, 2016, pp. 11–25.
41. Wider W., Bullare A., Bahari F., Mustapha M., Gakuj M.H. Investigating the measurement of Malay version of Inventory of Dimensions of Emerging Adulthood (M-IDEA) among first year university students in Malaysia. *International Journal of Current Research*, 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 29878–29884.
42. Zagórska W., Skoczeń I., Lipska A., Arnett J.J. Polish adaptation of the Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood. *Current Issues in Personality Psychology*, 2023, pp. 1–7. DOI:10.5114/cipp/159277
43. Žukauskienė R., Kaniušonytė G., Nelson L.J., Crocetti E., Malinauskienė O., Hihara S., Sugimura K. Objective and subjective markers of transition to adulthood in emerging adults: Their mediating role in explaining the link between parental trust and life satisfaction. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2020. Vol. 37, no. 12, pp. 3006–3027. DOI:10.1177/0265407520948621

Информация об авторах

Ерофеева Виктория Георгиевна, стажер-исследователь и аспирантка департамента психологии, стажер-исследователь «Центра исследований современного детства» Института образования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1077-6737>, e-mail: verofeeva@hse.ru

Information about the authors

Victoria G. Yerofeyeva, Intern researcher and PhD student at the Department of Psychology, Intern researcher at the “Center for Modern Childhood Research”, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1077-6737>, e-mail: verofeeva@hse.ru

Получена 16.05.2023

Received 16.05.2023

Принята в печать 31.07.2023

Accepted 31.07.2023